

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ОДНОМ АНГОЛЬСКОМ ГОРОДЕ**

Современный африканский город представляет средоточие многочисленных социально-экономических укладов, культурных моделей и пластов общественного сознания. В городе встречаются разнородные местные и привнесенные извне этнокультурные традиции, происходят их взаимодействие, противоборство и синтез, в результате чего на городской почве вырастает новый тип культуры.

В настоящей работе рассматриваются названные процессы на примере ангольского города Намиб (до 1983 г.— Мосамедиш), столицы одноименной провинции Народной Республики Ангола, расположенного на побережье Атлантического океана. В работе использованы материалы, собранные мной за время пребывания в этом городе в 1983—1984 гг.

Мосамедиш принадлежит к числу тех африканских городов, которые возникли, условно говоря, «на пустом месте», т. е. там, где до прихода европейцев не существовало никакой городской традиции, ни даже более или менее крупного постоянного поселения. Город был основан португальцами в середине прошлого века и долгое время оставался главным форпостом португальского колониализма на юге Анголы. Стратегическое значение Мосамедиша и соседних с ним небольших поселений выглядело очевидным, в то время как быстрое хозяйственное освоение этой части колонии представлялось сомнительным. Сельское хозяйство поначалу было основным занятием португальских колонистов, но, ограниченное засушливым климатом района, вскоре уступило приоритет рыболовству и сопутствующим отраслям, которые благодаря сказочному богатству моря и по сей день остаются стержнем экономики города.

С первых же лет существования Мосамедиша перед португальскими поселенцами встала проблема поиска рабочей силы. Решить ее за счет местных жителей оказалось невозможным. Уже характер первых «торговых» контактов европейцев с населявшими эти области скотоводами кувале (подгруппа этнической общности гереро) к этому никак не располагал: «торговля» представляла, по существу, открытое ограбление африканцев. Активное знакомство местного населения с европейской цивилизацией хотя и привело к быстрому принятию некоторых ее внешних атрибутов, сформировало у кувале в целом враждебное отношение к ее носителям. Но даже если соблазненные этими внешними атрибутами кувале перешагивали через барьер неприязни и недоверия, они чаще всего не могли преодолеть более сложный культурно-психологический барьер, выражавшийся в их традиционной неподготовленности к специфике европейского поселенческого хозяйства. Земледелие всегда являлось для кувале эпизодическим и непрестижным занятием, а рыболовство, как и употребление рыбы в пищу, — табуированным. С другой стороны, в земледельческих и рыболовецких хозяйствах белых колонистов, по меньшей мере до середины 70-х годов XIX в., всякий труд африканцев мыслился как рабский, а для реального подчинения воинственных пастухов у колониальной администрации долго не хватало сил.

По перечисленным причинам острый дефицит рабочих рук в Мосамедише и соседних населенных пунктах покрывался в основном за счет привоза рабов, значительную часть которых составляли дети из уже покоренных северных и прибрежных центральных областей Анголы. Переселенные за сотни километров от родины, оторгнутые от родных, заброшенные в незнакомую экологическую и социально-экономическую обстановку, они отрывались от своих этнокультурных корней, теряли прежнее социальное лицо, перенимая многие элементы культуры своих хозяев.

Рабский труд формально был отменен в Анголе в 1875 г., но в южных ее районах он фактически сохранялся, хотя и в замаскированном и несколько приукрашенном виде, до начала 1910-х годов. Лишь после па-

дения португальской монархии в 1910 г. ему на смену пришел труд по контракту, который, впрочем, по сути продолжал оставаться принудительным. Но в отличие от своих предшественников-рабов законтрактованные работники все-таки обладали некоторыми юридическими правами, в том числе правом вернуться на родину по истечении срока контракта. Этим правом начиная с 1910-х годов стали активно пользоваться и африканцы, работавшие в Мосамедише, но лишь те, которые знали, куда им возвращаться. Детям и внукам рабов, завезенных в город в XIX — начале XX в., некуда было уходить. Их родиной были Мосамедиш и соседние поселения, где они составляли наиболее стабильную часть черного населения — *мбали*¹.

Один из немногочисленных исследователей этнографии юго-западной Анголы К. Эштерманн оценивал общую численность мбали во второй половине 1930-х годов приблизительно в 3000 чел. Его информаторы из числа черных жителей Мосамедиша сходились на том, что слово «мбали» (в тексте К. Эштерманна — «кимбали») означает «цивилизованный негр» и употребляется «нецивилизованными» для обозначения «цивилизованных» африканцев, а также последними в качестве самоназвания. По определению, данному самим этнографом, мбали — это «негры, потомки бывших рабов и работников плантаций, усвоившие большое число культурных черт своих бывших хозяев; они и сегодня находят средства существования у белых, работая домашней прислугой и ремесленниками»². К. Эштерманн необоснованно сузил сферу деятельности мбали. Они были заняты во всех отраслях экономики, в том числе в рыболовстве, образуя устойчивый костяк рабочей силы Мосамедиша. «Более цивилизованные, — писал о мбали один португальский автор в начале 1920-х годов, — с уже сформировавшимися потребностями и стремлениями и, как следствие, любовью к труду, они сильно отдалены как в моральном, так и в материальном отношении от племен округа и текучего населения, с которым объединяются на рыбных промыслах, ревниво следят за своим положением, которое сами создали, и ни в коем случае не хотят смешиваться с прочими»³. Однако при большой европеизации, проявившейся особенно в области материальной культуры и хозяйства, группа мбали характеризовалась сохранением значительного африканского культурного субстрата. В частности, у мбали сформировался своеобразный язык *олумбали* (*кимбали*), представлявший сочетание бантуской грамматической и лексической основы с португальскими заимствованиями. Бантуский ингредиент олумбали базировался в основном на двух довольно далеких друг от друга лингвистических источниках — языках кимбунду и умбунду, распространенных соответственно в зонах Луанда — Порту-Амбоин — Маланже и Бенгела — Уамбо — Бие, т. е. в тех двух районах, в которых рекрутировалась наибольшая часть рабочей силы для Мосамедиша в XIX — начале XX в. Применение олумбали ограничивалось бытовой сферой, тогда как в производственной и юридической областях жизни бесспорно доминировал португальский⁴. Помимо языка у мбали

¹ Этимология этого термина точно не установлена. Ясно лишь, что он появился задолго до основания Мосамедиша в более северных районах Анголы и употреблялся (в разном фонетическом выражении, конечно) применительно к африканцам, живущим поблизости от белых и связанным с ними хозяйственно и социально. Возникшее как своеобразное отражение процесса колонизации, слово «мбали» пришло на юг Анголы вслед за проникновением туда португальцев. Подробнее о происхождении названия «мбали» см. *Cardoso C. L. A Origem dos Mbali do Distrito de Moçamedes. — Ultramar. — Revista da comunidade portuguesa e da actualidade ultramarina internacional*, 1964, 2 Trim., № 16, ano IV, vol. IV, № 4, p. 121—123.

² *Estermann C. Coutumes des Mbali du Sud d'Angola. — Africa, L., 1939, vol. XII, № 1, p. 74.*

³ *Vilela A. J. Pesca e Industrias Derivadas no Distrito de Mossamedes 1921—1922. Relatório de um inquérito. Porto, 1923.*

⁴ Разнородность генетических корней олумбали и его подчиненное социальное значение помешали этому языку сложиться в стройную лингвистическую систему. Даже в 60-х годах XX в. некоторые локальные варианты олумбали, обусловленные разным этническим происхождением его носителей, сохраняли сильную специфику, доходившую порой до полной взаимной непонимаемости. О языке мбали см. *Cardoso C. L.*

сохранились многочисленные остаточные элементы традиционных религиозных верований, ритуалов, церемоний и табу, оказавшиеся весьма устойчивыми даже в условиях сильной христианизации.

Таким образом, к первым десятилетиям XX в. в Мосамедише и ряде соседних населенных пунктов сформировалась своеобразная переходная этносоциальная общность — мбали, стоявшая как бы на стыке двух социокультурных традиций — европейской (португальской) и африканской — и объективно тяготевавшая к первой. В то же время незавершенность процесса детрибализации мбали и сохранение у них многих традиционных культурных черт поддерживались наличием огромной юридической пропасти, отделявшей «цивилизованное» население колонии от «туземного», включавшего подавляющее большинство черных африканцев, в том числе и мбали.

Принадлежность группы мбали к категории «туземного» населения создавала объективные возможности для пополнения этой группы другими представителями «туземцев», в частности коренными жителями, а также законтрактрованными работниками, хотя вялый экономический рост Мосамедиша и слабое вовлечение автохтонного населения области (кувале и др.) в систему современных хозяйственных связей по крайней мере до начала 1960-х годов делали такие «превращения» единичными. По подсчетам К. Л. Кардозу, второго и пока последнего крупного исследователя этнографии Мосамедиша, численность мбали в городе в 1964 г. достигла 2160 чел., при общей численности мбали в одноименном округе — 4476 чел.⁵ Однако эти цифры, по признанию самого К. Л. Кардозу, охватывали лишь «чистых» мбали, к которым применима характеристика К. Эштерманна, приведенная выше. По сообщениям информаторов К. Л. Кардозу, к «чистым», или «настоящим», мбали примыкали «превращенные», т. е., как их определяет исследователь, «представители местных этнических групп либо более или менее удаленных, но живущие в данном районе, которые в силу того, что носят одежду из ткани и говорят по-португальски, называют себя мбали»⁶. К сожалению, этим замечанием ограничивается описание, данное португальским этнографом «превращенным» мбали. В его статье нет даже приблизительной оценки численности этой группы, которая позволила бы судить о масштабах явления. Не подлежит сомнению лишь то, что «превращения» в мбали участились в 1960-е годы, когда официальная отмена «Туземного статута» и бурное экономическое развитие всей Анголы, и Мосамедиша в частности, привели к активному втягиванию коренного населения в сферу современного хозяйства и португалоязычной культуры и увеличению миграционного потока в Мосамедиш, который, правда, жестко контролировался колониальной администрацией. С 1960 по 1970 г. население г. Мосамедиша, по официальным данным, возросло с 7963 до 12 076 чел., из которых чуть более половины составляли черные горожане⁷.

Но особенно большие масштабы миграция в Мосамедиш приняла после антифашистской революции в Португалии 1974 г. в связи с началом ожесточенной внутривластной борьбы в Анголе и интервенцией ЮАР в 1975—1976 и последующих годах. Лежащий вдали от основных очагов военных действий, сравнительно хорошо обеспеченный рабочими местами и средствами существования, портовый город Мосамедиш стал центром притяжения для жителей соседних и даже отдаленных провинций Народной Республики Ангола.

Согласно статистике, предоставленной в мое распоряжение провинциальным делегатом Министерства планирования НРА, в 1983 г. население города составляло 75 000 чел., т. е. в 6 с лишним раз больше, чем

Olumbali do Distrito de Moçâmedes (Acheegas para o seu estudo).— Boletim do Instituto de Investigação Científica de Angola, Luanda, 1966, 3(1), 1/130.

⁵ Cardoso C. L. Op. cit., p. 40.

⁶ Ibid., p. 39; Cardoso C. L. A Arte Mbali do Distrito de Moçâmedes.— Separata do I Encontro de Escritores de Angola. Sá da Bandeira, 1963, p. 4.

⁷ Panorâmica Sócio-Económica de Angola em 1971. Luanda, 1972, p. 129; A Capital. Suplemento de Angola, 15.03.1974

Этнический состав брачных пар

Год	Браки с участием выходцев с этнической территории мбунду			Всего браков
	между собой	с другими	всего	
1980	23	2	25	48
1981	28	6	34	49
1983*	23	3	26	38
За три года	74	11	85	135

* Регистрационные акты за 1982 г. в Департаменте отсутствовали.

в начале 1970-х годов. Учитывая, что из почти пяти тысяч белых, живших в городе до получения независимости в 1975 г., подавляющее большинство эмигрировало и что многие коренные жители города погибли в столкновениях 1975 — начала 1976 г., мы вправе говорить не только о резком росте городского населения, но и о значительном обновлении его состава.

По моим наблюдениям, немалая доля мигрантов приходится на выходцев из провинции Кунене, бежавших от южно-африканской оккупации. Есть среди них и выходцы с севера Анголы. Но, несомненно, большая часть мигрантов — беженцы из центральных районов страны, охваченных военными действиями (провинции Уамбо, Бие, север провинции Уила). Почти все они принадлежат к самой крупной этнической общности Анголы — мбунду (овимбунду).

Мигранты, в первую очередь мбунду, естественно, сохранили свою групповую идентичность. К примеру, они предпочитают жениться и выходить замуж в кругу своих соплеменников: об этом я мог косвенно судить на основании актов регистрации гражданских браков за 1980, 1981 и 1983 гг. Из 85 браков с участием уроженцев районов страны, являющихся этнической территорией мбунду, только 11 были заключены с выходцами из мест, где мбунду не составляют большинства населения, т. е. только эти 11 браков мы можем с определенной оговоркой назвать смешанными. Более подробно это отражено в приведенной выше таблице (информация получена в Департаменте регистрации гражданского состояния г. Намиб в мае 1984 г.). Другой своеобразный пример: по моим наблюдениям, адепты адвентистской церкви в Намибе — почти исключительно мбунду. Одна из двух евангелических церквей города «обслуживает» только прихожан-мбунду. Важнейшим средством групповой идентификации остаются африканские языки — умбунду и др.; их часто можно слышать на улицах Намиба.

Однако африканские языки не в состоянии конкурировать в городе с португальским, который монополизировал сферу образования, трудовые отношения, делопроизводство в учреждениях, средства массовой информации (за исключением коротких радиопередач на местных языках, рассчитанных в основном на сельских жителей). В условиях пространственной удаленности мигрантов от родины и полного обрыва связей с основным этнокультурным ядром ослабляется «сопротивление» локальных этнических культур мощной европеизированной португалоязычной городской культуре и создаются благоприятные предпосылки для постепенного поглощения первых последней, тем более что значительная часть мигрантов еще до своего появления в Мосамедише-Намибе была в большей или меньшей степени знакома с современными формами хозяйства и даже городским образом жизни, христианской религией и культивируемыми ею морально-этическими нормами.

С другой стороны, коренные жители города — мбали — не способны эффективно противодействовать оседанию мигрантов в Намибе и их адаптации к специфике городской жизни. После провозглашения независимости мбали не заняли высшую общественную ячейку, освобожденную белыми, а демократическая политика МПЛА — Партии труда сдела-

ла ведущие социальные и экономические позиции одинаково доступными как для коренных, так и для новых обитателей Намиба. В этой ситуации единственным «преимуществом» мбали является то, что они коренные жители города. Поэтому превращение мигрантов в полноценных членов городского общества воспринимается населением Намиба как приравнение их к коренным намибцам, а значит, и распространение на них статуса мбали. При этом сам статус мбали претерпевает существенную трансформацию.

Изменение границ и социального содержания статуса мбали удалось проследить с помощью небольшой анкеты, проведенной мной в Намибе в ноябре 1983 — мае 1984 г. Всего удалось опросить 34 чел., из них 19 назвали себя мбали. Помимо мбали в число опрошенных вошли также 6 мбунду, 3 куаньяма (основное население провинции Куневе), келенге, кипунго (этнические группы, населяющие соседнюю провинцию Уила), кувале, белый, мулат, а также человек, представивший себя «настоящим туземцем». Не имея возможности рассмотреть все аспекты анкеты, остановлюсь лишь на ее аспектах, существенных для понимания статуса мбали в новых условиях⁸.

Изменение этносоциальной ситуации в Мосамедише—Намибе наиболее полно проявляется в определениях, данных респондентами группы мбали. В них наблюдается наслоение различных и внешне противоречивых представлений. Подавляющее большинство опрошенных считали, что мбали — это те, кто родились в Мосамедише — Намибе. 24 респондента прямо заявили об этом, а в ответах еще 5 чел. такое же мнение выражено в косвенной форме. В то же время анкета выявляет и точку зрения, отражающую истинное происхождение группы мбали. 14 человек считают, что мбали являются потомками рабов и законтрактованных работников, завезенных в город. Не случайно среди «вспомнивших» об этом — 11 мбали и «туземец», поселившийся в Мосамедише в 1909 г. С другой стороны, относительно небольшое число явных сторонников данной точки зрения свидетельствует, на мой взгляд, как о разрушении исторической памяти, так и об ослаблении значения рассматриваемого критерия для выделения группы мбали.

Респонденты-нембали, самосознание и мировосприятие которых сильно этнизировано (исключая белого и мулата), в своей оценке происхождения мбали сделали акцент на отсутствие у этой группы четких этнических корней. Двое из них (куаньяма и кувале) прямо утверждали это, а 5 (3 мбунду, куаньяма и белый) считали, что мбали появились в результате смешения разных народов⁹. Однако 10 из 13 черных респондентов-нембали (за исключением 2 мбунду и кувале) считали (бы) своих детей, родившихся в Мосамедише — Намибе, мбали, т. е. не причисляя (бы) их к своей этнической группе. Таким образом, статус мбали, нивелируя этнические различия, объединяет всех уроженцев города в сравнительно однородную, хотя и аморфную, социальную общность. Вливающиеся в группу мбали дети мигрантов не образуют в ней особой, четко ограниченной подгруппы. Лишь в двух ответах наблюдалось явное разделение мбали на «чистых», «настоящих», и «нечистых», «превращенных», о чем, со слов своих информаторов, писал К. Л. Кардозу в начале 1960-х годов. С тех пор роль и доля «чистых» мбали в населении города значительно уменьшились, да и сама их «чистота» уже не имеет

⁸ Помимо вопросов, относящихся к личности респондентов, анкета включала следующие вопросы: а) Кто такие (что такое) мбали? б) Откуда, когда и как появились первые мбали? в) На каком языке говорят мбали? г) Могут ли мбунду быть (называться) мбали? д) Могут ли кувале быть (называться) мбали? е) Могут ли белые и мулаты быть (называться) мбали? ж) Мбали живут отдельно или смешанно с другими? з) Могут ли мбали вступать в брак с другими? и) К какой церкви принадлежат мбали? к) Чем занимаются мбали? л) В других провинциях есть мбали? Эти вопросы формулировались с учетом особенностей опрашиваемых и хода интервью. В тех случаях, когда логика интервью делала некоторые вопросы излишними или по смыслу противоречащими предыдущим, эти вопросы опускались.

⁹ Среди трех мбали, высказавших это мнение, двое, несомненно, основывались на собственном примере, а одна была замужем за нембали.

прежнего социального смысла и не обеспечивает им никаких реальных преимуществ перед остальными жителями.

Статус мбали не ассоциируется более с особой «цивилизованностью» его носителей: представление, которое в свое время К. Эштерманн считал универсальным, встретилось только у двух опрошенных — келенге и мбали «первого поколения». «Цивилизованность» (относительная, конечно) сегодня является естественным, а потому и незаметным атрибутом почти всего городского населения.

Существовавшие в колониальное время четкие социальные и культурные границы, которые в основном совпадали с расовыми, в наши дни уже не так выражены, и белые, а тем более мулаты, все чаще рассматриваются как «обычные» горожане. Это проявилось в том, что 23 респондента включили в число мбали также белых и мулатов, родившихся в Мосамедише — Намибе¹⁰. Но если современное городское население образует более или менее однородное хозяйственное и социокультурное единство, то сельская периферия, представленная в основном скотоводами-кувале, в массе своей все еще находится за порогом «цивилизованности», в рамках «традиционного» образа жизни. Поэтому 18 из 29 высказавших свою точку зрения респондентов возражали против причисления кувале к мбали. Но расширение связи сельских жителей с городом и усиление «территориального» аспекта статуса мбали приводит к тому, что пастухов-кувале, общепризнанных «хозяев здешних мест» (т. е. тоже местных уроженцев), начинают относить к мбали. 6 респондентов, безусловно, считали их мбали, а другие 5, разделив это мнение, оговорились, что языки мбали и кувале различны.

Вопрос о языке мбали вызвал противоречивые суждения, которые условно можно разделить на две группы. 21 респондент считал, что у мбали есть свой язык — кимбали (вариант — кимбунду). Среди них были 17 мбали, т. е. коренные жители города, как правило, потомки завезенных в Мосамедиш рабов и контрактованных работников. Остальные сторонники этой точки зрения живут в городе не менее 20 лет. Характеризуя язык кимбали, 8 респондентов утверждали, что он похож на кимбунду («язык Севера», «язык Луанды»), 4 — на умбунду, 1 — на кувале, а еще 1 респондент заявил, что кимбали не похож ни на один другой язык. Другая часть опрошенных, в основном иммигранты, приехавшие в город в последние 10—15 лет, и лишь 2 мбали, фактически отрицали и наличие у мбали собственного языка. Но и у этой группы респондентов не было единого позитивного мнения: 6 из них считали языком мбали только португальский, 2 назвали сразу 3 языка — португальский, кимбунду и умбунду, по одному респонденту — португальский и умбунду, португальский и кувале, кувале и умбунду, «языки отца и матери», «все языки».

Из полученных ответов видно, что язык кимбали в настоящее время перестает быть признаком, характеризующим этнокультурное лицо группы мбали. Он сохранил этнодифференцирующее значение лишь для самих мбали, да и то не в полной мере: 7 из 19 респондентов, назвавших себя мбали, языка кимбали не знали, либо знали его плохо. Что же касается иммигрантов, дети которых сегодня составляют главное пополнение группы мбали, то у них слово мбали, если и ассоциировалось с каким-либо определенным языком, то прежде всего с португальским — официальным языком города, нейтральным по отношению к африканским языкам и локальным этническим культурам.

Утрачивая этнические признаки, статус мбали в то же время социально «обесценивается». Сегодня не осталось и следа от групповой замкнутости и чувства собственного превосходства над остальными африканцами, подмеченных у мбали еще в 1920-х годах. 29 из 32 высказав-

¹⁰ Разумеется, сами белые и примыкающая к ним в культурном отношении часть мулатов придерживаются иной точки зрения. Им свойствен более высокий уровень самосознания, который можно определить как национальное самосознание. Они считают себя ангольцами, так же как и некоторые черные намибийцы, получившие европейское воспитание и ведущие соответствующий образ жизни.

шихся респондентов утверждали, что мбали могут вступать в браки с нембали. 26 (из 27) заявили, что мбали живут смешанно с другими, не занимая каких-либо отдельных кварталов города. На вопрос о занятиях мбали 27 из 30 ответивших перечислили несколько в основном городских профессий, не выделив ни одной из них особо.

Приведенные результаты анкеты свидетельствуют о тенденции распространения статуса мбали на всех уроженцев Намиба, независимо от их этнической или расовой принадлежности и социального происхождения. Эта тенденция отражает идущие в городской среде интенсивные процессы стирания этнических различий и формирования на базе городской хозяйственной и социальной культуры новой национальной общности — ангольского народа.